

Мимолетные сюжеты. Часть 4.

Летнее кафе

1. Предисловие

Как происходят знакомства мужчин и женщин? В подавляющем большинстве случаев, мужчине в этом процессе отводится первостепенная роль. Это как в шахматах. Считается само собой разумеющимся, что белые начинают. Как потом складывается игра заранее неизвестно, однако в начале всё предопределено. Почти предопределено. Не смотря на это, бывают случаи, когда всё происходит прямо наоборот...

Начну с одной небольшой сценки, свидетелем которой я был.

Было раннее утро первого января. Уставший до ошаления Город только что справил Новый год. После бурной ночи весь снег был засыпан останками хлопушек и петард. Я, ещё не совсем проснувшись после почти бессонной ночи, вынужден был тащиться на улицу - гулять с собакой.

Редкие прохожие попадались мне навстречу. Я выгуливал собаку близ стройплощадки. Было сумеречно и холодно. Дойдя до места, я стоял в каком-то зябком оцепенении. Собака неторопливо копошилась поблизости.

На автобусной остановке в пятнадцати метрах от меня стояли мужчина и женщина. Оба неплохо одеты, обоим где-то под сорок. Были они, очевидно, из разных компаний. Женщина выглядела молодо. Круглое, слегка полноватое лицо. Одета она была в шубу. Он был пьян гораздо меньше, чем она. От нечего делать я прислушался к их разговору.

Женщина пьяно, громко и довольно напористо приставала к мужчине. Было видно, что он смущен, но прямо и откровенно послать её не мог или не хотел. На любые её вопросы он отвечал односложно: "да", "нет ". Автобуса не было

давно. Общались они не первую минуту.

Она называла себя "женщиной", примерно в таком духе:

- "Мужчина, вот вы встретили красивую женщину на необитаемом острове, ...что вы ей первым делом предложите?"

- "не знаю..."

- "ну, а если она попросит вас достать ей с дерева кокос, полезете на пальму?"

- "не знаю, может быть...",

- "а, вы в каком районе живете? Вам в какую сторону?... (пауза) ... ну, не хотите и не говорите!"...

В таком же духе ещё 10-15 бессмысленных реплик и вдруг:

- "ну, подержите, хоть тогда даме сумочку!" - "???... а это зачем?",

- (громко и вызывающе) "женщина писать хочет!" - с этими словами она всовывает ему в руки свою сумку.

- "а это как?" - не врубился сходу мужик,

- "а я тебе и расскажу и покажу, (и уже гораздо тише, вполголоса) ...ну что ты как маленький? пойдём ...". Сказав это, она гордо, но в то же время как-то поспешно направилась напрямиком за будку автобусной остановки. Мужик охуело поплелся за ней.

"Неужели правда будет ссать?" - пронеслось в голове. Но сомнений не было.

На мгновение они оба скрылись за углом остановки. Через мгновение из-за угла будки решительно взметнулась черная шуба, и на высоте полуметра показалось что-то округлое и молочно белое. "Это тёткина задница" - понял я.

Будка не доходила до земли сантиметров двадцать (как обычно стоят на ножках будки транспортных остановок). Я отчетливо видел низ широко расставленных женских ног (вид, увы, сбоку) и штiblеты мужика, стоящего в полуметре от приседающей соблазнительницы прямо лицом к ней. Почти без

Мимолетные сюжеты. Часть 4. Летнее кафе

паузы она начала ссать - решительно и неряшливо выпуская многочисленные желтые струи, как вперед, так и назад. Воздух в тот же момент разорвал свистящий автоген её уретры. Нога женщины мешала мне увидеть основную струю, но писала она настолько неровно и неоднородно, что побочные струи были отчетливо видны.

Она ссала невыносимо долго. Я устал считать секунды. Наконец, её поток иссяк и я тут же услышал её голос: "мужчина, теперь вы видите перед собой свежее-поссавшую, довольную женщину!". Этот оборот просто сразил меня. Ещё находясь в приседе, женщина уже продолжила общаться со своим кавалером.

В следующий момент, её зад исчез, в тишине послышался отчетливый шорох натягиваемой и поправляемой одежды. Ещё через пять секунд они вышли из-за будки.

Как же разительно изменилось его поведение! Теперь он семенял по скользкому насту практически рядом с ней, да и разговор теперь складывался по-другому.

"Автобус-то какой?" деловито спросил он. "22-й" был ответ. "Ну, поехали..." - похоже, все уже было решено. А ведь ни одного лишнего слова не было сказано.

Буквально через минуту подошел ИХ автобус, и остановка опустела.

Проклиная свое невезение (почему на месте этого мужика был не я?!), я не смог побороть желание, и зашел за будку, где и разворачивалась вся эта титаническая сцена. Утопанный снег рядом с тропинкой был густо засан шафраново-желтой мочой женщины. То место, в которое била основная струя протаяло под напором горячей женской струи практически до асфальта.

Я представил, как мужик на пятерку выебет свою новую неожиданную подружку, отловил собаку и вернулся домой.

2. Летнее кафе

Было лето 1998-го года. Пятница. С парой приятелей я был в этот вечер в бане. Мы распрощались около девяти у метро Василеостровская и я неторопливо пошел домой.

Проходя мимо летнего кафе, представлявшего собой несколько столиков с кое-как воздвигнутыми над ними зонтиками, я решил выпить пива. Вечер был хорош. Тепло, безветренно.

Взяв стакан, я сел за свободный столик и закурил.

За соседними столиками оживленно-скупчиво гомонила компания. Отмечали чей-то день рождения.

Мое внимание привлекла одна странная и уже довольно пьяная особа. Она была одна. Ей было, вероятно, слегка за сорок. Короткие равномерно окрашенные волосы. Невысокая. Черные джинсы обтягивали неплохо сохранивший форму зад. На ней был черный свитер (как оказалось впоследствии, одетый на голое тело). На ногах какие-то неопределенные туфли. Похоже, она жила недалеко и вышла из дому, чтобы продолжить свой одинокий бабий загул, начатый пару часов назад.

Женщина громко общалась с продавцом кафе. Я не вслушивался в то, что она говорит. Женщина взяла бутылку вина и нетвердым шагом направилась к моему столику.

"У вас не занято?" - спросила она громко, пьяно-старательно выговаривая слова.

"Нет" - констатировал я и так очевидный факт.

Не буду передавать весь разговор, который в результате состоялся между нами. Всё, что она говорила, было достаточно сумбурно и в то же время обыденно. Единственный неоспоримый факт её биографии, который удалось выяснить, было её имя - её звали Катя.

Мимолетные сюжеты. Часть 4. Летнее кафе

Катя сказала, что ей сорок. "Интересно", - подумал я, - "сколько же лет этой Кате уже сорок?". Впрочем, возраст её, в тот момент, меня интересовал крайне мало.

Шло время. Катина бутылка была уже две трети пуста.

Я понимал, что женщина набирается всё больше и больше, и скоро будет представлять довольно удручающее зрелище.

"Ну что, пойду я, - пора" - бодро заявил я.

"Я, с-с тобой!" - выговорила женщина заплетающимся языком. С этими словами она неуверенно начала вставать с плетеного стула. Я помог ей подняться.

"П-пойдем туда...", - женщина уверенно указала на подворотню проходного двора, следующую фразу она попыталась произнести доверительно, как могла, - в пол голоса: "...и быстрее идем, я писать очень хочу!". Я понял, что выпитое женщиной за вечер просится наружу. Катя спешила отлить.

Вцепившись в мою руку, неуверенной, но в то же время торопливой походкой Катя засеменяла через проходной двор. Я шел рядом с ней. Назвать это хождением под руку не берусь, скорее, она тащила меня за локоть. Вдруг, женщина резко повернула вправо, от прохода, по которому сновали люди. "Правильно", - подумал я, - "хоть немного ещё соображает".

Как это часто бывает с сильно пьяными людьми, Катя уже плохо могла контролировать свой мочевой пузырь и поэтому торопилась, впадая в панику. Любому, наблюдавшему это зрелище со стороны, было очевидно, что женщина очень хочет в туалет: Катя передвигалась вперед неожиданными рывками, вдруг останавливалась, яростно закусывая губу и тихонько скуля, потом продолжала идти, выразительно приседая на ходу, и суетливо суча руками по готовому взорваться животу.

Того, что произошло дальше, я никак не ожидал. Резко высвободив мой локоть, Катя совершила пару шагов-прыжков по направлению к ржавому гаражу, расположенному чуть правее от пешеходной дорожки, и вдруг резко

остановилась, - повернулась ко мне лицом, в один шаг расставив широко ноги, задрала свой черный свитер почти до груди и в одно мгновение расстегнула единственную пуговицу и молнию на джинсах.

Я просто не ожидал от своей пьяной спутницы такой прыти. В следующий момент джинсы были энергично стянуты почти до колен. Я с ужасом увидел белый живот и такие же белые трусы. Нет, даже не трусы, а, скорее, панталоны, - этикие белые, широкие, женские штанишки. Всё это происходило без единого слова. Катя обиженно закусила губу, демонстрируя выражением красивого когда-то лица, крайнюю степень страдания.

Я вовремя оценил ситуацию. Мы находились в тридцати метрах от оживленного проходного двора, по которому в этот непоздний час сновали добропорядочные горожане. Мне совершенно не улыбалось маячить рядом с пьяной особой бесстыдно справляющей малую нужду на глазах у изумленной публики. Во всяком случае, так или почти так должен был выглядеть милицейский рапорт, пройди здесь в это время наряд милиции. Я понял, что главное не дать Кате стянуть трусы и присесть. Если она начнет ссать - пиши-пропало, - не остановишь. Я схватил её за локоть.

"Ты что, ох..ела?", - спросил я доверительно - "тут же полно народу - загребут!".

"Ну, я же сейчас обоссусь!", - громко и плаксиво всхлипнула женщина. Я быстро оглянулся. По диагонали через двор располагался старый портовый контейнер. За ним можно было безбедно укрыться.

"Натяни штаны, блин, молнию не застегивай!", - процедил я.

"Куда ещё? Я не могу уже!", - стонала женщина, при этом покорно натягивая джинсы.

"Вон туда", - сказал я, показывая на высмотренное мною укрытие. На несгибающихся ногах, тихонько поскуливая, Катя устремилась к заветному контейнеру. За пару-тройку секунд мы достигли укромного места.

"Ну, теперь давай", - разрешил я.

Я стоял в полуметре от женщины. Она быстро повернулась ко мне боком и

Мимолетные сюжеты. Часть 4. Летнее кафе

повторилась увиденная мною десяток секунд назад картина. Стоя в полный рост, Катя широко расставила ноги, задрала свитер и ловко расстегнула пуговицу на джинсах. Молнию она не застегивала, поэтому в следующее мгновение джинсы были спущены ниже колен. Я опять увидел манерные белые панталоны, которые, впрочем, были на хозяйке не долго. Судорожно продев большие пальцы под резинку в районе ягодич, женщина сдернула панталоны вниз, одновременно, в раскоряку присаживаясь на корточки. Я успел отметить, что промежность её трусов была относительно чистая. Во всяком случае, ни желтых, ни, тем более, коричневых следов на соответствующих местах я не заметил. Вероятно, выходя на охоту, женщина помылась или подмылась, но, во всяком случае, белье поменяла.

Еще находясь в полуприседе, и продолжая усаживаться на корточки, женщина начала мочиться. Обильно обдавая сухой асфальт, моча веером брызнула из полуопущенной задницы моей спутницы с таким напором, что мне пришлось податься назад, чтобы не быть забрызганным.

В первые секунды, то, что изливалось из женщины, нельзя было назвать струей. Очевидно, слежавшиеся и слипшиеся под трусами складки малых и больших половых губ Кати не успели расправиться за те доли секунды, что отделяли заголение промежности от начала мочеиспускания. При этом напор был так силен, что моча устремилась во всех доступных направлениях, попутно расправляя волосы и многочисленные складки её бывалой пизды, одновременно обильно намачивая и пропитывая всё это пахучее хозяйство.

В первые секунды, после того, как Катя окончательно присела на корточки, создавалось впечатление, что женщина ссыт из всей промежности - из всех расположенных между её ног отверстий. "Наверное, именно такая манера женщин справлять малую нужду, и называется *"ссать как лошадь"*, - подумал я. Основной поток, с ладонь шириной, расположенный где-то посередине - прямо под влагалищем женщины, сопровождался десятками менее сильных ручьев, истекающих от клитора до заднего прохода, а также в стороны, заканчиваясь редкими каплями, падавшими с ягодич широко растопыренной женской задницы.

Практически в то же время, как иступленная Катина струя ударила в асфальт,

неподвижный теплый воздух вокруг нас заполнился резким ароматом пивной женской мочи.

Всё это действие сопровождалось пронзительным свистом и шипением, который издавала уретра женщины, пропускавшая мочу под неестественно сильным напором. Звук был настолько громким, что, казалось, был слышен везде. Я видел, как люди, проходящие через двор, удивленно поворачивали головы в нашу сторону. С их позиции Катя была не видна, поэтому кто-то, вероятно, мог предположить досадный прорыв водопроводной трубы, грозящий отключением горячей воды. Люди же с большей фантазией могли догадаться о том празднике облегчения, который переживала в нескольких шагах от них, пьяная женщина Катя, безудержно изрыгающая мощный фонтан прозрачной отработанной жидкости, из крохотного, с мизинец толщиной, отверстия, расположенного прямо над входом в её влагалище.

Через десяток секунд струя мочи, непрерывно исторгаемая женщиной, изменилась. Очевидно, складки катиных половых губ были расправлены, а уретра расширилась до максимума. Теперь широкий прозрачный фонтан, выпускаемый Катериной, бил вертикально между её ног, обильно забрызгивая туфли и низ брюк.

Довольно быстро женщина уселась так глубоко, как ей позволяли широко расставленные ноги и джинсы с панталонами. Тело её было горизонтально опущено вперед, голова наклонена вниз. Казалось, женщина с упоением и удивлением рассматривает фонтан между своих ног. Писающая Катя покачивалась вперед-назад на согнутых ногах, еле слышно бормоча что-то в пол голоса. Я расслышал лишь "...ой, как же я ссать-то хотела, блядь...".

Я находился в полуметре сзади и правее женщины. Ни о каком стыде речь не шла. Катя была пьяна, возбуждена и ей очень приспичило. Катин свитер задрался до середины спины, женщина старательно поддерживала его локтями. Одновременно, обеими руками Катя крепко вцепилась в скомканную в трубочку на уровне колен промежность панталон, оттягивая её при этом максимально вперед. Срабатывал нажитый десятилетиями условный рефлекс - трусы должны были, во что бы то ни стало остаться сухими.

Мимолетные сюжеты. Часть 4. Летнее кафе

Я отчетливо видел молочно белые ягодицы и неестественно растянутую складку между ними, ведущую к заднему проходу. Самого отверстия видно не было, но складка к низу становилась темнее, там торчали темные негустые волосы. В таком положении струя женщины была направлена вперед, и я практически не видел её. Свист, издаваемый Катиной уретрой, сменился более низким звуком. Теперь непрерывный шипящий шум извергающегося из Кати фонтана, наполнял пространство вокруг нас.

С трудом сдерживая возбужденное дыхание, я присел на корточки рядом с Катей, наклонил голову, благо женщина была почти спиной ко мне и не видела, да и не интересовалась в этот момент мною. Сейчас я увидел короткую широкую струю прозрачной жидкости, вырывающуюся из-под попы женщины и мощно бьющую в спонтанно разрастающуюся между её ног пенную лужу. Её струя имела клиновидную форму. Очевидно, форма складок половых губ женщины определяла вид этой вожделенной струи. Моча была бесцветной - Катя много выпила.

"Хорошо-то как!", - промурлыкала женщина. В этот момент у меня возникло непреодолимое желание дотронуться до её такой близкой промежности. В самом деле, что я мог потерять в отношениях с этой незнакомой женщиной? Я завел руку под катину попу и аккуратно дотронулся до растянутой в стороны желанной мягкости между ног женщины. Я не видел места, куда попал пальцем, но на ощупь это оказался выпуклый, упругий и влажно- липкий бутончик её ануса.

"Ой", - пьяно хихикнула Катя, потом, не поворачивая головы, жеманно произнесла: "подожди, - успеешь ещё". Похоже, в этот момент никакие мои действия не могли омрачить ей счастья.

Я не решился подставить руку под горячий водопад, вырывающийся из промежности моей новой знакомой. Возможно, я не был достаточно пьян, чтобы сделать это.

Катя мочилась долго. Я порой удивляюсь тому, как много жидкости может вместить женский мочевого пузырь -ссать полторы-две минуты, да ещё с таким напором - даже трудно себе представить....

К этому времени между катиных ног уже образовалось маленькое море. По нему забавно плавал тополиный пух вперемешку с радостной пеной пьяного женского облегчения.

Вдруг струя женщины плавно иссякла.

"Ты всё?", - спросил я с надеждой.

"Ну, ты что-о!?", - обиженно протянула Катя. "Я ещё только начала", - добавила она кокетливо, напрягла мочевого пузыря, еле заметно подав вперед таз, и из-под неё с прежним напором вырвалась пенная струя. Похоже, женщина слегка передохнула, перед тем как закончить мочиться. Секунд через двадцать всё было кончено.

"Ну, ты даёшь!" - уважительно оценил я качество мочеиспускания этой сорокалетней особы.

"Ну-у, блядь, так, чуть не описалась!" - радостно поддержала меня Катя. Мат в её речи я объяснил попыткой разрядить неловкость щекотливой ситуации. Хотя, возможно отсутствие мата в её речи до этого было эффектом первой встречи, а сейчас между нами как бы уже состоялось интимное знакомство.

В это время женщина, старательно сохраняя равновесие, вставала из глубокого приседа. Я к этому моменту переместился вперед и стоял перед ней. Моча женщины, ещё недавно с таким трудом и героизмом удерживаемая в мочевом пузыре, и доставлявшая столько мучений своей хозяйке, широкой пенной лужей была разлита между её ног. В этой луже Катя бесстыдно стояла передо мною на широко расставленных ногах. На лакированных туфлях женщины отчетливо были видны многочисленные капли - следы её великолепного фонтана. Джинсы и широкие трусы-пantalоны были спущены до колен, свитер задран выше пупка. Я подумал, что так, порою, заканчивают мочиться маленькие девочки, у которых в силу малого возраста ещё не возникло чувство деликатного полового стыда.

Я отчетливо увидел темную полосу лобковых волос между ног моей сорокалетней "подружки". Мой давно вставший член, зажатый узкими джинсами в позиции - вертикально вверх, яростно пульсировал в такт

учащенному сердцебиению.

Я отметил, что Катя даже не сделала попытку отряхнуть капли мочи со своей обильно зассаной промежности. Для этого пришлось бы резко приседать, а Катя не имела на это ни сил, ни желания. Подтереться также не удалось, так как ни у неё, ни у меня салфеток с собой не было.

"Я з-здесь живу близко, - дома подмоюсь", - уловив мои мысли, кокетливо хихикая, заявила Катя.

Не спеша, Катя аккуратно натянула сначала трусы - панталоны, промокнув ими влажную промежность, а затем джинсы, застегнув аккуратно молнию и пуговицу. Опустив свитер, Катя ещё некоторое время, машинальными женскими движениями оглаживала бедра и зад, убеждаясь в том, что вся одежда на своём месте.

"Я здесь живу близко", - нерешительно повторила Катя, - "только у меня муж дома...".

"Это ничего. Нам дома делать нечего. Смотри, погода какая", - бодро заявил я, с ужасом представляя, что умиротворенная удачным мочеиспусканием пьяная Катя, наострит лыжи домой, - "пойдем, посмотрим, что здесь есть подходящее".

Я вырос в узких подворотнях старой части Васильевского острова и неплохо представлял себе сложную организацию подворотен, проходов, и черных лестниц. Через пару дворов, в глубине квартала, невзрачная обшарпанная дверь вела на черную лестницу четырехэтажного дома.

"Пойдем сюда", - указал я на дверь. Катя, как ни в чем не бывало, направилась по лестнице за мною.

Поднявшись на второй этаж, я огляделся вокруг. Площадка, на которой мы находились, располагалась между этажами. Мутное, давно немытое окно, с невысоким крашеным подоконником выходило в глухой пустой двор- колодец.

"Прямо по Достоевскому как-то. Трахаюсь в отчаянных трущобах старого Питера не пойми с кем", - грустно подумал я.

В памяти тотчас же всплыл недавний эпизод со случайной уличной знакомой - работницей трамвайного парка. Жутковатое общежитие трампарка на Васильевском. Молоденькая девица - Нина, привела меня к себе в комнату. Заметно нервничала. Указав на кровать, предложила "располагаться". Вернулась из туалета. Я быстро освободил её от домашнего халата, уложил на кровать, на спину. На ней были голубые трусики - бикини. Нина без тени смущения и жеманства развела ноги. В глаза бросилась темная мокрая точка в районе её клитора - пару сантиметров в диаметре. "Вот девушка Нина привычно поссала перед нашим полуночным сексом и даже не имеет возможности по-человечески подмыться в этом грёбанном общежитии", - подумал я. Быстро сняв трусы с моей дамы, я привычно большими пальцами развел складки Нининой пизды в стороны, ощутив при этом пряный запах влажной женской промежности... Нине было около двадцати. Кате за сорок... Половой экстрим какой-то. И так...

"Ну и как мы это будем делать?" - пьяненькая Катя стояла на площадке.

"Придумаем что-нибудь", - уверенно заявил я и приобнял свою спутницу. Её голова оказалась на уровне моей подмышки. Я отчетливо ощутил запах чистых волос. "Недавно мылась", - с надеждой подумал я.

Я решительно развернул Катю спиной к окну, так, что на уровне её бёдер оказался подоконник. В следующий момент моя левая рука проникла под шерстяной свитер. Рука скользнула вверх, коснувшись ребра, выше, я ощутил выпуклое полушарие её груди. Лифчика на ней не было. Под пальцами мягкий сосок, почти плоский с пупырышками. Я почувствовал жар её чуть влажной, вспотевшей кожи. После непродолжительных манипуляций с Катиными грудями, я ощутил знакомое изменение формы сосков. У них выросли тупые твердые "носики". Пупырышки стали жестче и ошутимее.

"Рефлексы в порядке", - пошутил я про себя и решительно сунул обе руки в Катины джинсы. Размер джинсов вполне соответствовал габаритам их некрупной хозяйки, поэтому мне пришлось приложить некоторое усилие, просовывая руки под пояс, прежде чем я ощутил под ладонями теплые и неожиданно мягкие, нетренированные Катини ягодицы в шелковых на ощупь панталонах.

Мимолетные сюжеты. Часть 4. Летнее кафе

"Подожди, я молнию расстегну - порвёшь ведь!" - прагматично потребовала женщина. С этими словами Катя, ссутулившись, пару мгновений повозилась с пуговицей и молнией джинсов. В следующий момент я почувствовал, как катини джинсы отпустили мои запястья. Появилось гораздо больше свободы для моих импровизированных исследований интимных мест незнакомки.

Так как Катина задница интересовала меня посколькy-постолькy, я плавно переместил правую руку на Катин перед, только уже не на , а под- панталоны. Насколько я знал анатомию, в этом месте должен был располагаться мохнатый женский лобок. Так и есть, под тонким шелком катиных панталон, рука ощутила волосатую выпуклую мякоть. Я опустил куру ниже - негустые волосы лобка закончились и, в следующий момент мой указательный палец наткнулся на влажную кожаную складку, незаметно переходящую в причинную женскую щель.

"Поцелуй меня туда", - неожиданно жеманно попросила Катя. Это было вдвойне неожиданно, так как мысленно я записал Катю в разряд тех женщин, которые уныло влачат жалкое существование в убогих коммуналках, привычно сожительствуют с горемычными мужьями-алкоголиками и страдают постоянным, неизбывным, хроническим недоёбом.

"Откуда же ты нахваталась такого, прелесть моя?", - про себя усмехнулся я, - "купленный на заре перестройки видеомангофон, да вожденная кассета с нимфоманкой Эммануэль и вечно сопливым переводчиком... "Ну, значит, будет не скучно". Я решительно вытащил руку из катиной промежности и спустил её джинсы заодно с панталонами до колен.

"Поцелуй меня туда", - капризно повторила Катя. При этом лицо её выражало неуверенность. Возможно, сквозь пьяный дурман своего развратного вечера, смышленная горожанка Катя пыталась критически проанализировать создавшуюся ситуацию.

"Какие ещё эротические фантазии спрятаны в этой чисто вымытой, коротко подстриженной головке?", - подумал я. "У этой сорокалетней тётки, очевидно, и неожиданно наличествует либидо. Так же, наверное, был удивлен исследователь, обнаружив зачатки интеллекта у шимпанзе...", - цинично

философствовал я про себя.

"Сядь на подоконник - мне так будет удобнее" - начал руководить я.

Катя послушно уселась голой задницей на пыльный подоконник. Стараясь не делать резких движений, я попытался поднять и развести Катины ноги. При этом спиной она уперлась в стекло окна. В следующий момент нам обоим стала очевидна неприемлемость такого положения. Дело в том, что полуспущенные джинсы и панталоны не давали мне возможности удобно разместиться между Катиных ног. Кроме того, в этой позе женщине пришлось бы держать ноги на весу, что, не имея достаточной физической тренировки, делало всё мероприятие нереальным.

"Давай снимем джинсы - мне до тебя не добраться в этой сбруе" - предложил я.

"А если пойдет кто-нибудь", - проявила пьяную бдительность Катя.

"Это черная лестница, Катя, здесь никто никогда не ходит. Сними джинсы с одной ноги - нам хватит", - обнадежил я женщину.

"Ладно", - сразу успокоилась Катя, и я в третий раз за сегодняшний вечер увидел манерные белые панталоны. Плохо сохраняя равновесие, Катя кое-как стащила джинсы и панталоны с правой ноги. При этом я, как мог, помогал ей, опасаясь, что нога в туфле безнадежно застрянет в штанине. Вроде всё обошлось. Дальше я действовал самостоятельно. Я усадил Катю на прежнее место на подоконник. Сам присел на одно колено. Подоконник был достаточно высоким, так что моя голова оказалась на уровне катиного живота. Её ноги в этом положении не доставали до пола. Немного посучив ногами женщина догадалась, наконец, положить их мне на плечи.

"Теперь, разведи, пожалуйста, ноги", - попросил я - "сделай мне большую пипочку!". Последнее вырвалось машинально - от возбуждения. Это выражение мы придумали в своё время с Ольгой (помните Ольгу - мою добрую знакомую?). Эта кодовая фраза означала в наших с Ольгой отношениях переход к решительным подготовительным ласкам, заканчивавшимся, как правило, её бурным оргазмом. Ольга порою раздвигала пальцами свою

богатую вульву так широко, делая тем самым "большую пипочку", что иногда я мог видеть отверстие её мочеиспускательного канала...но, увы, это было в прошлом.

Теперь я внимательно рассматривал катину промежность. Первое, что бросилось в глаза - это аккуратная "стрижка" лобка. Катя, как истинная леди сбрила срамные волосы по обе стороны лобка, оставив только неширокую полоску недлинных кучерявых волос. Волосы на её лобке были негустыми - сквозь них отчетливо просвечивала кожа. Большие губы катиной пизды также носили следы бритвы. Нет, они не были выбриты наголо, но волосы на них были коротки.

"Да я смотрю, ты модница! Подстрижена под пляжную девчонку" - выразил я своё отношение к увиденному.

"Дык" - согласилась женщина.

Ниже располагалась катина промежность, источавшая несильный запах мокрой штукатурки. Короткие малые губы были почти спрятаны в щели. Я аккуратно раздвинул внешние складки. Катина пизда раздалась в обе стороны, открыв безволосую чуть розоватую и почти сухую сердцевину. Несколько темнее были малые половые губы женщины, которые кожистыми ломтиками с неровными краями взбегали наверх, к волосатому лобку, навстречу большим складкам, которые в свою очередь, аккуратным мешочком сплетались в вялый червячок клитора. Я переместил руки выше и, распутав кожаный капюшон, образовавшийся на макушке её клитора, без труда добрался до крохотной белёсой, и выглядящей как-то безжизненно, головки. Похоже, пьяная Катя плохо понимала детали происходящего, или такова была её анатомия, но как я ни старался оживить своим языком этого покойника - её вялый клитор - у меня ничего не вышло. Чуть солоноватый вкус неподмытой катиной промежности скоро сменился безвкусной пресностью моей слюны, которая каплями сползала под клитор и ниже в щель, задерживаясь на чуть припухшем хитросплетении кроваво-красных кожаных лоскутков, расположенных над самым входом в катину влагалище, и в котором, как я наверняка знал, прячется широкое отверстие музыкальной уретры женщины. Я разочарованно понял, что бороться с катиным клитором бесполезно.

Напоследок я, как можно аккуратнее, попытался растянуть в стороны кожу вокруг торчащего над входом во влагалище кулачке. Кожа неожиданно легко раздалась в стороны, и на меня, со всей непосредственностью и беззащитностью, на которые только способен этот потайной женский орган, уставилась широкая, толщиной с мой мизинец катина пипка-уретра.

Ещё пять минут назад мышцы вокруг этого крохотного отверстия героически защищали катины трусы от горячей жидкости, до краев наполнявших её мочевого пузырь, а потом радостно свиристела, пропуская эту жидкость на волю. Теперь же слабая и беззащитная трубка легко открылась под моими слегка дрожащими пальцами. Я не удержался и дотронулся до этого отверстия языком, сразу почувствовав на языке кислый металлический привкус. Это был единственный момент, когда Катя слегка дернулась на подоконнике, почувствовав мое прикосновение. Мое возбуждение достигло пика. Не думая больше о катином удовлетворении, я выпрямился в полный рост и, не говоря ни слова, извлек из джинсов свой эрегированный и стоящий под сорок пять градусов член. Красная головка члена оказалась залупленной до предела и накачана кровью до зеркального блеска.

"Ух, ты какой большо-о-о-й..." - одобрительно протянула Катя, с этими словами аккуратно беря мой член за туловище чуть за головкой и привычно совершая несколько несильных движений кожей туда-обратно.

"Да вот такой..." - не нашелся я, что ответить.

"Ну, как будем?" - повторила уже ранее задаваемый вопрос Катя.

"Чего ж тут выдумывать..." - заявил я решительно, прижимая головку к катиной щели, и сильно вдавливая член во влагалище, ощущая при этом себя полной скотиной.

"Только не кончай в меня, а то я забеременею" - ошарашила меня прагматичная Катя. Представив себе, забеременевшую сорокалетнюю Катю я совсем расстроился. Кроме того, как я уже говорил, промежность женщины была почти сухой - член, войдя до краев головки безнадежно уткнулся в липкую негостеприимную катину плоть.

Мимолетные сюжеты. Часть 4. Летнее кафе

"Ну, до этого, пожалуй, ещё далеко" - констатировал я, - "повернись ко мне попой".

Катя не говоря ни слова, слезла с подоконника, уронив при этом на пол, придерживаемую до этого штанину полуспущенных джинсов. Неловко подобрав брючину, Катя развернулась ко мне своим нешироким задом и, расставив как могла ноги, наклонилась вперед, опершись локтями о подоконник.

Я привычным жестом пропустил правую куру под катину задницу. Рука успела ощутить тепловой контраст между холодно-кисельным крупом женщины и её горячей и теперь невидимой промежностью. Пальцы уперлись в липкие складки сердцевины, уходящей в Катино нутро ребристым слегка изогнутым туннелем.

"Нет, так ничего не получится" - решил я и обильно намочив пальцы слюной, аккуратно, чтобы донести как можно больше, опять завел руку под катину задницу. Наскоро убедившись, что катино влагище, перемазанное слюной, достаточно легко пропускает в себя мои пальцы, я на ощупь, сначала неловко ткнувшись в ягодицу и оставив на ней след своей прозрачной смазки возбуждения, до этого отчетливой каплей восседавшей на макушке моего члена, а потом уже более уверенно, подсунул хуй под Катю, и дальше в промежность, ощущая головкой горячее месиво катиной пизды, а животом холод неширокой катиной жопы.

В первый момент член было уперся в кожистую преграду, но в следующее мгновение неожиданно легко провалился в катино темное нутро. Женщина, почувствовав в себе мой член, напряглась, я уловил, как её казалось бы безмышечная ягодица неожиданно обрела форму. Я радостно задвигался в Кате. При каждом движении мои полупустые яйца, уже к этому времени подготовившие ударную порцию спермы и выгнавшие её куда-то выше в мой организм, жалобно бились о катину горячую промежность.

Женщина не подмахивала. Она, очевидно понимая, что её, наконец-то, ебут и вечер прожит не зря, насторожилась.

"Только не кончай в меня!" - напутствовала мудрая Катя.

"Хорошо" - прохрипел я, чувствуя как сладкая ломота заполняет яйца, постепенно охватывая весь низ живота и концентрируясь в непрерывно снующей вперед-назад головке члена. Я понимал, что развязка рядом. Я также отчетливо понимал, что не могу кончить мимо Кати - это было выше моих сил. Следующие несколько фрикций сопровождалось негромким, но отчетливо слышимым хлюпанием - откуда-то из катиных внутренностей начала, наконец, выделяться мазь возбуждения.

"Поздно, блядь!" - подумал я, - "как поздно! Тебя бы ещё пол-часа поебать, как бы было здорово..." - рассуждал я. Но получаса у меня не было. В следующий момент в глазах потемнело, а весь окружающий мир сжался до размеров кроваво-красной головки моего члена, которая невидимая, яростно фонтанировала где-то в темном хлюпающем пространстве передо мною, так просто и восхитительно функционально сконструированном Матерью природой.

Я оцепенел, застыв, до предела введя член в катину пизду и прижимаясь сзади к женской заднице лобком и животом. Я не мог шевелиться. Сперма продолжительными сладко-мучительными спазмами вырывалась наружу. В какой-то момент меня неожиданно посетила мысль из моего энтомологического детства.

"Так вот, каким образом счастливо оттраханые паучихи пожирают своих только что кончивших кавалеров!". Со мной в этот момент можно было сделать всё, что угодно. Я не был в состоянии пошевелить ни рукой ни ногой. Я стоял в нелепой позе - полусогнувшись и прижавшись к Кате, мысленно умоляя её не прерывать мой фонтан облегчения. В конце концов, я же не мешал ей ссать, когда она хотела.

Наконец, я иссяк. Почти в тот же миг мир вокруг меня обрел свою материальность. Аккуратно я развел катины ягодицы в стороны, увидев при этом её задний проход, маленьким почти черным кратером разместившийся внутри катиной попы прямо над моим хуем. Подав бедрами назад, я извлек из женщины член, который, нисколько не потеряв своей упругой зазорности,

Мимолетные сюжеты. Часть 4. Летнее кафе

вырвался из катиного нутра, чиркнув по промежности, заднему проходу, и оставил на внутренней стороне её ягодицы влажный след.

Почувствовав перемену в моем поведении, а также не ощущая более члена в своей пизде, Катя довольно шустро развернулась ко мне лицом.

К этому моменту сознание уже вернулось ко мне. Я с неприятным удивлением отчетливо увидел перед собой пожилую, потрепанную жизнью женщину в задранном под самую грудь свитере, оголявшем молочно белый живот с крупным пупком, и в спущенных ниже колен джинсах вперемешку с белыми трусами-пantalонами, над которыми беззастенчиво был виден подбритый неширокой полосой темноволосый лобок, такой желанный ещё несколько мгновений назад.

Катя вопросительно уставилась на меня. В следующий момент взгляд её стал шарить по полу в районе наших ног. "Ищет сперму" - осенило меня. Вероятно, по мнению женщины, истинный джентльмен должен был кончить мимо, беря пример с того самого библейского Онана. "Какая же я всё-таки скотина. Подло кончил в малознакомую интеллигентную женщину" - циничный мозг не давал мне унывать.

"Ты что, кончил в меня?!" - в голосе Кати я уловил визгливую угрозу.

"Брось, не расстраивайся. Пойдем, я тебя угощу?" - пытался загладить неловкость положения я. К этому моменту я уже сумел кое-как упаковать свой частично расслабленный член и застегнул джинсы.

Мысль о том, что в неё кончили, так поразила Катю, что остановить её не могли никакие оправдания, предложения и здравые доводы. В следующее мгновение женщина уже всхливыпала, ещё через пару секунд - пьяно рыдала:

"Блядь, все вы такие, суки! Блядь, лишь бы, ... лишь бы, ... блядь, ... одно, блядь..." - Катя верещала уже почти в голос. Мне казалось в тот момент, что я слышу в этой истерической скороговорке неизбывную женскую обиду на тупых мужиков одноебов, а может, это было отчаяние за бесцельно и несчастливо прожитую женскую жизнь... , а может, ... одним словом, Катю было мучительно жалко и если бы она хоть чего-то требовала в этот момент я бы наверняка

сделал всё, чтобы исполнить её желание. Но катина речь оставалась бессмысленной, мои доводы она не слушала.

Самым парадоксальным в этой сцене было то, что женщина даже не сделала попытки натянуть трусы и вызывающе отсвечивала своим аккуратным лобком, негустые волосы которого едва скрывали розоватую складку в самом низу живота, из которой чуть торчал невозмутимо вялый петушок её, так и не вставшего клитора.

"Катя, ты бы трусы натянула - пипку застудишь" - попытался пошутить я.

"Иди ты на хуй!" - зло всхлипнула Катя сквозь рыдания.

Я почувствовал неожиданное облегчение. Вероятно, в этой ситуации действительно лучше было уйти. "Пока" - попрощался я, не надеясь на ответ. Ответа не было.

Дойдя до первого этажа, я остановился и прислушался. Над моей головой пьяная женщина Катя неспешно копошилась, водворяя на место одежду. "Блядь, ... суки!" - услышал я на прощание её незатейливый рэп и с досадой вышел на улицу.